

Россия, срочно на ВЫХОД! С вещами?

Гайдар и его команда сработали
проект рыночных реформ

В подмосковном поселке Архангельское, на даче №15 российского Совмина кипит работа. У группы известных экономистов практически на выходе падают срочные действия, без которых, по их мнению, Россия не избежит самого худшего. «Капитан» команды — директор Института экономической политики Егор Гайдар — первым задал вопрос: «Что в Москве творится, две недели не читал газет?» «ИП»: Ну, поговаривают, что вам «лавы» Явлинского спать мешали. Классом-то вы считаете, как минимум, не ниже и потому искали «достойное место». Нашли на российском олимпе и встали во френды Явлинскому? — И что же, мы в шахматы играем или бокс? — Да, вот, все круче. Третья идея: Силаев, Явлинский, Сабуров — за Договор об экономическом сообществе и совместном выходе из кризиса, а вы видите, что Россия «бер» Явлинскому республику, начинала реформы. Чтобы подвести под эту базу, вы и заперлись здесь. Хорошенькая новость. Она тем интереснее, что ничего подобного я не видел и не высказывал. Смешно спорить с тем, что тесные хозяйственные связи с республиками нужны России. Это аксиома. Другое дело, формы сотрудничества.

В отношении республик есть два объективных обстоятельства. Первое: сохранить какую-то экономическое взаимодействие — никто не заинтересован в ослаблении. После развала политического центра невозможно в принципе реанимировать сильный экономический центр, способный проводить жесткие реформы. Одно дело приглашение республик об отъезде наложить друг другу ущерб односторонними действиями, и другое — договориться воссоздать в Москве ядро власти, откуда снова будут делиться валюту, определять денежную и ценовую политику. Вот мы до сих пор закрыли при одном заводе. В рамках стабилизации и придется «пломбировать» являлись. В Узбекистане, Турмени, на Украине. Это что, в Москве делать, как-то межреспубликанским органом? Значит, остаются мягкий мюз и особая ответственность России за выход из кризиса союзной экономики. Боремся мы — спасутся и рупье, сорвемся — потащат гальки. И, значит, первичнее — экономический курс самой России.

— Вы хотите сказать, что в рамках Договора об экономическом сообществе она не может пропустить такой курс? — Там были неудачно сформулированные пункты, есть их Россия скорректировала. Но по большому счету, все это не имеет никакого значения и единственное, что опасно, что игры вокруг экономического сообщества угрожают иллюзии движения. Третье говоря, Договор никоим образом не объясняет, к чему не обязывает, и спорные вопросы в специальных соглашениях — 17 статей. И вот республика начинают работу над ними, ротиворечий куча, работа идет тяжело, медленно. Помимо набором компромиссов «главения» будут заключены. Затем в ратификацию лягут парламенты. А Россия ждет как у моря погоды, игда и чем это закончится, тогда окончатся? К тому моменту у нас не будет поли-

тических ресурсов для болезненных рыночных реформ — кредит доверия народа иссякнет. Самое прекрасное, самое замечательное, политически выгодное и безобидное сегодня — создавать Комитет по управлению народным хозяйством и МЭК, писать Договор и соглашения. Никто не скажет, что они вредны, но они не заменяют дела.

— Какой набор экстренных мер вы предложите руководству России? И как ее самостоятельная политика может отразиться на отношениях с республиками? — Цены не удержат. Придется их размораживать, хотя высокая открытая инфляция — неизбежна. Второе: наша налоговая база быстро разваливается, к концу декабря мы останемся без налога с оборота. Нужно реконструировать налоговую систему, не ожидая согласований с другими республиками. Без прорыва в соглашениях безпроблемно не обойтись. Потребуется навести порядок в кредитно-денежной политике. Немедленно реформировать экспортную политику. Немедленно реформировать структуру чиновников и ликвидировать коррупцию. И пора кончать с идеологическими дебатами вокруг приватизации. Вот вкратце, что надо было начинать по крайней мере месяц назад. Нам нельзя больше плыть по течению, а скандры — по самому тиходному кораблю. Нам действительно придется принять меры, обеспечивающие России некоторую автономность политики.

Российская экономика уже сейчас гораздо меньше управляема, чем экономика других республик. Что-то из-за наших масштабов, во многом и по причине неопытности соседей. Скажем, есть договор с Узбекистаном о поставках ему древесины, а сибирские лесники сообщают: мы договорились с Киргизией обменять древесину на мясо. В результате «горячий» договор с Узбекистаном, он сдерживает отгрузку хлопка в Иваново, и ткацкие фабрики стоят.

— Тут нравых-виноватых не найдешь: срыв взаимных поставок по стране оценивается в 36 млрд. руб. — Согласен. Тем более нам нужна система, которая бы как-то регулировала потоки товаров из России и в Россию. Причем речь не идет о колючей проволоке на границе и таможенных заставах на каждой тропинке. — Тем не менее вы поделялись тому, что товарный обмен с республиками невыгоден России. Сейчас публикуются таблицы насчет неэквивалентности торговли. У вас тоже есть расчет? — Цифры есть, но опасен Бог толковать их так, что «Росию» грабят, и если мы покинем с этим, то запируем. Это не так. Одним махом перераспределить ресурсы нельзя, но учитывать их надо, чтобы строить здоровые торговые отношения. Итак, если мы сохраним цены текущего года, то на будущий Россия по 36 важнейшим видам продукции получит отрицательное saldo в 8 млрд. руб. И уже сейчас это дает повод Азербайджану снижать нам поставки. Если же перевести торговлю в мировые цены, то на 92-й год Россия будет на 8,7 млрд. долларов в плюсе.

— Плюс в долларах означает, что надо вводить клиринг — взаимный учет товар-

ных сделок: ведь валюты для оплаты ни у кого нет. А пока наладим службу клиринга, развалится в черт, что еще осталось от хозяйственных связей предприятий. Получится вторая серия «СЭВ» — только масштаб крупнее.

— Но и пагаль дальше с заявленными глазами нельзя. После развала СЭВ мы оказались должны братьям по «лагерю» — 15 млрд. долл. Зачем же тянуть во внутренних расчетах, мировые деньги вносят ясность — кто, кому и сколько. Когда свои торговые интересы отстаивает Прибалтика — это признается нормальным. Почему нельзя России? Мы не собираемся разорвать с помощью нефти Армению и Эстонию. Торговые расчеты покажут: или несколько сократить наши поставки в республику, получить что надо на мировом рынке или попросить соседей поднять свой экспорт нам, если они хотят иметь справедливый обмен. Мы готовы предоставлять кредиты, готовы часть выручки инвестировать в экономику партнеров. Но если они не будут добрыми делами, мы будем добрыми делами.

Вторая проблема, которой неизбежно придется заниматься, — денежная политика. Прибалтийские государства стали независимыми и твердо высказались за национальные валюты, Украина уже ввела денежные заместо-

будем, простите, ковыряться, то дождемся массовой переканки денег из Прибалтики в Россию. — Никто не расклевывает денежную систему больше, чем Госбанк СССР, начальственный под сотню миллиардов рублей, и Центральный банк России, вздувшийся за год кредитную эмиссию в 35 раз. Экспансия рубля из Балтии, конечно, сказывается на жителях соседних областей, но для денежной системы в целом это можно пренебречь по закону больших чисел.

— Ни в коем случае нельзя валить на других собственные грехи. Но мы-то с вами обсуждаем переход к серьезной стабилизационной политике в России. То есть, взяв ответственность за повышение цен и косвенных налогов, за ликвидацию субсидий и дефицита бюджета, мы должны быть застрахованы от «сюрпризов». Я не взялся бы за санацию экономики, за которую надо платить падением производства и безработицей, — не взялся бы, но злая намерения; введет Украина гривну или нет. Заказ в Канаде она, между прочим, разместила.

— Это серьезно, Украина — это примерно пятая часть денежного обращения страны. — Значит, так: либо мы делаем все, чтобы сохранить единое рублевое пространство (пожалуйста, я был бы счастлив передать контроль за Госбанком в руки Международного валютного фонда, пусть он управляет в рамках резервирования всех республиканских банков), либо, если мы не можем об этом договориться, давайте думать о российской валюте, либо о новом союзе валют, но построенном так, что он устойчив, эффективно управляем. Замечу еще, что установка на долгие переговоры, когда Россия каждый раз пы-

тается на любых условиях списать эту денежную систему, обрекает ее на годы кризиса.

Скорее всего для себя вы развязали узел с будущим рублем. Во всяком случае понятно, что стоит за заявлением Ельцина о трехцветной национальной метке на пем. Однако тут возникает проблема дипломатического свойства. Подписание Договора об экономическом сообществе дало хоть какой-то козырь Явлинскому на встрече в Бангкоке с министрами финансов G 7. Он мог сказать им: с денежной системой мы определились, внешний долг возвращаем солидарно: наша позиция — заявление. Президент «РСФСР», если не дезавуирует Явлинского, то делает ситуацию шекотливой. Получит ли Россия кредиты, которые Запад планировал выделить на стабилизацию экономики всего сообщества? Или внятно заявить Западу, что хотим сохранить единое экономическое пространство. До 19 августа я был бы с ними полностью согласен. Но сейчас? Однако разделение функций центра и республик можно говорить? Где центр? Центр, у которого нет бюджета? В Договоре об экономическом сообществе не сумели договориться о главном — кто будет оплачивать оборонные расходы. Мне непонятно, что такое собственная стабилизационная программа МЭКа, в руках которого нет ни одного финансового инструмента. Мне кажется, что МВФ, Мировой банк, западные поли-

тесники именованная ситуация. Они поймут, что нельзя собрать унитарное государство и политику надо строить в расчете на множество центров политической власти. Согласен, это неудобно, это тяжело, экономически деструктивно. Но это политическая реальность, не считаться с которой нельзя. А ключевая стабилизация сообщества, лежащая в основе, зависит от этого.

— Когда Бурбулис говорил, что Россия готова быть правопреемницей СССР, он, в моем понимании, давал знак, что республика готова взять на себя расчеты по внешним долгам, но и замколицевать тогда львиную долю будущих кредитов.

— Никакого счастья, что Россия заявила на себя общий долг, нет. Но есть реальность. Платить долги, особенно обслуживать его (17 млрд. долл.) часть республик просит не в состоянии. У России есть природные ресурсы, а за счет какой валюты и каких экспортных поступлений будет вносить пай? Грузия? Те же западные эксперты, с которыми я имел дело, говорят: это все хорошо, насчет солидарной ответственности, но вы же понимаете, ребята, с кого на самом деле спросят кредитов. Вы это учитываете в своих прогнозах, отчетах, платежных балансах? Вот о чем идет речь. Весь мир все равно смотрит на Россию, как на ответственного субъекта.

— Реально уже и Россия не может отвечать по внешнему долгу. Валютные резервы по западным оценкам за год сократились с 15 до 3,9 млрд. долларов, а к началу 92-го у нас останется 1,8.

— Ситуация несколько иная. У России очень много краткосрочных кредитов и очень неудачно распределена выплата долга по годам. Резкое снижение экспорта сырья усугубило положение. Поэтому

в ближайшие месяцы, согласен с вами, оплатить обязательство без новых кредитов не может никто, включая Россию. Но для мирового сообщества принципиально важно выполнение обязательств по текущему обслуживанию — расчет за поставки по импорту, оплата процентов. Пока вы не будете платить в эти платежи, вы не сможете найти кредиторами. Как только подмочили репутацию надежного плательщика, отнюдь не меняется радикально. Таким образом, текущие поставки России может покрывать доходами от экспорта. Что является остальным долгом, там имеет в виду, отношение долга к объему экспорта у нас велико, но не смертельно. И проблема возврата лежит в плоскости — как скоро мы сможем вернуть российскую экономику в рамки докризисного состояния. Мы можем уловить в решениях и соглашениях, в чем — перекладывать ответственность друг на друга, потом бесконечно делить, кто что и на кого. Тем самым отрясаив себе шансы на спасение общества и народа. Как что срочные меры по стабилизации российской экономики — это вопрос морального выбора.

— Вы рассчитываете стать экономическим советником Президента России? — Вы знаете, нет. Я очень надеюсь, что смогу сделать что-то полезное для реформ и стабилизации экономики.

— Материал вашей группы практически на выходе. Но существует и программа Сабурова, близкая по духу Межреспубликанскому экономическому комитету Силаева. Каким будет вариант отом параллелограмму? И что ждет экономику?

— Ну, общее развитие ситуации в стране далеко переопределяет силы любого политика, и уж тем более специалиста, вовлеченного в формирование экономической политики. Если Россия, ее руководство не решится взять на себя ответственность, инициативу в реформах, то падение производства, на очень низком уровне сохранится с продолжением, в первую очередь связанные с расстройством товаропроизводящей сети. Быстро станет разваливаться бюджет, резко ускорятся темпы денежной эмиссии, за счет которой будут выплачиваться долги и финансировать армию. Мы будем все глубже увязать в инфляционном кризисе. А в результате полное фиаско демократов в глазах народа и прекрасный повод заложить «право руля».

— Если же Ельцин решится на жесткие реформы, удастся ли ему до конца выдерживать курс? Или их тяжесть окажется непреодолимой для населения? — Это объективные проблемы на пути реформ. У Ельцина больше шансов преодолеть сопротивление сейчас, чем останется через полгода. И у него этих шансов больше, чем у любого политика в обозримой перспективе. Беседовал А. БЕККЕР.